

Александр Скальв

**СОНЕТЫ ШЕКСПИРА
116—126, 147—154.
ПОД ПРИЦЕЛОМ
РАЗНЫХ
ИНТЕРЕСОВ (8)**

Историческая головоломка

Александр Скальв
**Сонеты Шекспира 116-126,
147-154. Под прицелом
разных интересов (8).**
Историческая головоломка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42130181
ISBN 9785449655318*

Аннотация

Эта книга – восьмая в серии из 8-ми книг логического и исторического анализа, в котором найдено решение проблемы хронологии всех сонетов Шекспира. Книги этой серии будут интересны шекспироведам, историкам, биографам, преподавателям и студентам театральных и литературных вузов, сценаристам, театральным режиссёрам, знатокам и любителям классической поэзии и истории средних веков, любому англичанину, владеющему русским, а также любителям логических головоломок во всём мире.

Содержание

Введение	5
Часть 1. Адресность сонетов 116—126, 147—154	10
Глава 1. Сонеты 116—121. За право быть таким	10
Сонет 116	12
Сонет 117	15
Сонет 118	17
Сонет 119	19
Сонет 120	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Сонеты Шекспира 116-126,
147-154. Под прицелом
разных интересов (8)**
Историческая головоломка

Александр Скальв

© Александр Скальв, 2019

ISBN 978-5-4496-5531-8 (т. 8)

ISBN 978-5-4496-3971-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Это – восьмая (завершающая) книга научно-популярной серии о сонетах Шекспира. Но это – не сборник ранее известных трактовок и не анализы поэтических приёмов или богатства и выразительности языка, которых громадное количество в шекспироведении.

Эта книга – своего рода, исторический детектив, так как логический и исторический анализ текста сонетов идёт в двух направлениях: на определение адресности каждого сонета, выводимой из указаний Шекспира (в начальных главах книги), и на соответствие сюжета, также выведенного из указаний Шекспира, фактам биографий предполагаемых реальных персон – персонажей сонетов (в конечных главах).

Все трактовки сонетов, как в анализе на адресность, так и в анализе на соответствие фактам биографий являются полностью оригинальными, не повторяющими ни одной логики ранее известных трактовок, хотя, иногда, совпадающими в промежуточных выводах, например, об адресности или значении отдельных фактов. Это является очевидным следствием того обстоятельства, что ни одна из ранее известных трактовок не образует логических связей, дающих множественные соответствия на всём поле сонетов.

Такой ракурс анализа не является предметом литературоведения, так как, в данном случае, неизвестно не только ко-

личество лирических героев – адресатов сонетов, но и их пол, а также то, что легло в основу сюжета – свободная фантазия Шекспира или его жизнь, т.е. реальные факты истории и биографии.

Таким образом, перед нами, обратная задача литературоведения, т. е. нам нужно: не найти грани натуры известного лирического героя, а сделать всё ровно наоборот: по известным чертам характера вывести образ неизвестного одного или нескольких лирических героев. В классическом литературоведении такая задача не имеет практического смысла, и поэтому эта наука не имеет методов её решения.

Популярное представление, что сонеты Шекспира разделены по адресности на две большие группы: сонеты 1—126 адресованы Другу, а сонеты 127—154 адресованы Возлюбленной, является всего лишь версией, хотя и выведенной из редких, отдельных указаний Шекспира на пол адресата, но не находящей подтверждения в фактах истории и биографии на всём поле сонетов. Кроме того, при такой адресности не удаётся даже связать в единый сюжет все сонеты, вследствие чего он до сих пор не был найден.

Однако, в поиске решения этой загадки сонетов Шекспира нам не поможет и криминалистика, так как, в нашем случае известно, кто написал текст, т. е. «преступник» известен, а неизвестны не только его «жертвы» – адресаты сонетов, но и время и место «преступления», т. е. – датировки сонетов.. Таким образом, перед нами не только обратная задача

литературоведения, но и обратная задача криминалистики. Но и для этой науки её обратная задача не имеет практического смысла, и потому также не имеет методов решения.

Но если Вы видите эту книгу, то загадка как-то разгадана. Как же?

Основой решения стала простая логика в связке с фактами истории и биографии. Однако путь к пониманию решения не так прост, хотя основные принципы можно изложить в нескольких главах, но объём общего анализа, ведущего к цели, громаден.

Для облегчения понимания книга, как и все книги этой серии, разделена на две части.

В первой части вниманию читателя предлагается анализ на адресность всех сонетов в порядке возрастания нумерации.

В этом анализе приводятся только оригинальные тексты сонетов Шекспира на староанглийском языке, так как существенные моменты адресности являются малой частью сонета (одна-две строки) и чаще видны только в оригинале, как в моей версии новой адресности, так и в альтернативных версиях, которые я тоже рассматриваю.

Также разбираются обоснования переводов некоторых сонетов.

Во второй части представлен анализ на соответствие сюжета сонетов фактам биографий, который ведётся в порядке написания сонетов с использованием ранее найденной новой

адресности.

Для этого последовательно выдвигаются и обосновываются версии о новом сюжете, о новом порядке написания и о новой хронологии (датировке) сонетов Шекспира.

В этом анализе представлены и используются мои поэтические переводы сонетов, так как здесь существенным моментом является содержание сонета полностью, которое должно быть понятно русскоязычному читателю.

Все даты событий и дни недели той эпохи, а также датировки сонетов приведены в юлианском календаре, отстающем в 16 веке от григорианского на 10 дней. В связи с началом нового года в Англии в эпоху Шекспира с 25 марта, обозначение года с 25 марта по 31 декабря соответствует григорианскому календарю с началом года с 1 января, а обозначение года с 1 января по 24 марта указывает предыдущий и через косую черту следующий, но пока до 25 марта не наступивший по юлианскому, но наступивший с 1 января по григорианскому календарю, год. Например, обозначение дат полного года григорианского календаря в первом случае: 25 марта – 31 декабря 1597 года, во втором случае: 1 января – 24 марта 1597/8 года. Это позволяет избежать путаницы в годах, возникающей при ссылке на документы, датированные с 1 января по 24 марта по юлианскому календарю.

Завершающая книга серии также, как и все предыдущие семь книг, не содержит тех теоретических глав, которые были ранее последовательно представлены в других книгах се-

рии. Поэтому рассуждения и выводы, как в анализе на адресность, так и в анализе на соответствие фактам, ведутся и даются так, как будто читатель уже знаком со всеми теоретическими предпосылками такого анализа.

Часть 1. Адресность сонетов 116—126, 147—154

Глава 1. Сонеты 116— 121. За право быть таким

Анализ на адресность сонетов 116—121 выделен в отдельную главу по тем же причинам, что и предыдущих сонетов 107—112, 113—115.

Нас продолжает интересовать не только смена адресата, хотя её и нет в этих сонетах, и адресат по-прежнему – друг поэта, но и смена настроений, которые в этих сонетах определяют период конфликта.

Необходимо выделить эти периоды, именно, в анализе на адресность, так как они непосредственно связаны с предыдущим чередованием адресатов после сонета 88.

Нам потребуется в дальнейшем, при анализе на соответствие с фактами биографий, решить задачу «неустранимого» противоречия в последовательном написании сонетов, т.е. признать написание параллельным после сонета 88, ещё до того, как мы дойдём до анализа сонетов 107—121 на соответствие с фактами биографий.

Поэтому все исходные предпосылки, в данном случае –

периоды настроений, должны быть уже известны.

Сонет 116

После трёх благодушных сонетов 113—115, настроение опять сменилось в сонете 116.

Тревогу поэта за «союз верных душ», который может быть «расторгнут», благодушием никак не назовёшь.

Намёки на «вкус измены» и «изогнутый путь» в отношениях также указывают на некие неприятные обстоятельства.

Однако, противоречий в этом нет, поэтому, вспомнив также сонеты 20 и 42, ничто не мешает признать в сонете 116 того же адресата, что и в сонете 115 – друга поэта.

Кроме того, первая строка сонета 116 («союз верных душ») указывает на первооснову «любви» – душевные отношения, что избыточно подтверждает адресата сонета 116 – друга поэта.

Ещё один сонет о любви посвящён другу, а не возлюбленной.

Мы не видим даже намёка на плотские желания в тексте сонета.

Мы знаем из сонета 42, что такая «душевная любовь» между мужчинами, т.е. мужская дружба, гораздо ценнее и выше для Шекспира, чем «плотская любовь» к женщине.

Сонет 116. Оригинальный текст

Let me not to the marriage of true minds

Admit impediments; love is not love
Which alters when it alteration finds,
Or bends with the remover to remove.
O no, it is an ever-fixed mark
That looks on tempests and is never shaken;
It is the star to every wand'ring bark,
Whose worth's unknown, although his heighth be taken.
Love's not Time's fool, though rosy lips and cheeks
Within his bending sickle's compass come;
Love alters not with his brief hours and weeks,
But bears it out even to the edge of doom.
If this be error and upon me proved,
I never writ, nor no man ever loved.

Но нигде, ни в одном сонете Шекспир не исключает для женщины возможность «душевной любви», нет категорического указания нигде, что такая любовь для женщины невозможна.

Более того, иногда поэт называет возлюбленную другом (в сонетах 30 и 50), а свои сонеты к ней «светом души» (сонет 74).

Правда, происходит это на фоне неблагополучия в отношениях (размолвка, тяжёлая болезнь), ведь сразу, как только это проходит, поэт прибегает к каскаду «плотских» намёков.

В сонете 116 ситуация в отношениях с адресатом, очевидно, неблагополучна и можно было бы посчитать, что нельзя исключать возлюбленную из возможных адресатов.

Однако, в сопоставлениях с другими сонетами мы не находим подтверждения этому – все сопоставления нейтральны (например, смысл сонетов 30, 50 и 74 никак не пересекается (не противоречит) со смыслом сонета 116), тогда как подтверждение адресата – друга поэта следует из трёх сонетов (20, 42 и 115).

Признать указания сонетов 30, 50 и 74 можно было бы, если сонет 116 противоречил бы предыдущему сонету 115, чего нет, и, значит, эти указания не более, чем обыгрывание поэтом одной темы в сонетах к разным адресатам.

Начиная с этого сонета и до сонета 120, мы будем наблюдать отголоски «переговоров» поэта с другом о неких событиях и о силе своих чувств.

Это говорит о том, что отношения снова вошли в фазу неопределённости и взаимного подозрения. Другу что-то сильно не нравится.

Но и поэту, как будто, что-то известно о друге или он только догадывается о том, что может разрушить их с другом «верных душ союз».

Намёки на «измену» и «новъ» в отношении Любви, поэт, очевидно, не относит к себе, ведь он пытается наладить отношения.

Но так он надеется обойтись без неподтверждённых обвинений другу.

Сонет 117

Поэт опять вернулся к намёкам, упомянутым в сонетах 109—112, на обстоятельства своей виновности в разрыве с другом.

Сонет 117. Оригинальный текст

Accuse me thus: that I have scanted all
Wherein I should your great deserts repay,
Forgot upon your dearest love to call,
Whereto all bonds do tie me day by day;
That I have frequent been with unknown minds
And given to time your own dear-purchased right;
That I have hoisted sail to all the winds
Which should transport me farthest from your sight.
Book both my wilfulness and errors down,
And on just proof surmise accumulate;
Bring me within the level of your frown,
But shoot riot at me in your wakened hate;
Since my appeal says I did strive to prove
The constancy and virtue of your love.

Опять упомянуты чужие умы: «что часто я внимал чужим умам – That I have frequent been with unknown minds», и любые ветра: «что парус мой был рад любым ветрам – That I have hoisted sail to all the winds», как вариация уже известного из сонета 110 «в грех старый новой встречей увлечён».

Также упомянуто: «раздал Ваш клад бесценных прав — And given to time your own dear-purchased right», как вариация сонета 109: «напрасно бросить всё твоё добро».

Однако, поначалу, в сонете 109, поэт призывал друга этому не верить, но потом занял позиции сонетов 110—112 («да, правда») и прямо признавал, что так оно и было.

В сонете 117 покаяние продолжилось. А раз так, то очевидно, что претензии друга к поэту не прекратились, даже несмотря на перерыв в общении после сонета 112.

Поэтому есть все основания считать, что у поэта с другом в это время состоялся некий разговор, и друг, как и раньше, не стал обсуждать своё поведение, а выдвинул очередные обвинения поэту, снова заставил его каяться.

Но поэт сменил ракурс своего покаяния, ведь теперь это не «оправдания» и не «просьбы о жалости», а представление своего поведения благом для дружбы.

Для нас же важно понимать, что на самом деле это, всего лишь, уловка перед упрямством друга. Ведь мы не видели в сонетах никаких других адресатов, кроме возлюбленной поэта, хотя бы приблизительно равных по значению для поэта как друг. И даже, если какие-то «встречи» и были, то не оставили в душе поэта никакого следа. В этом поэт и пытался поначалу убедить друга, но не получилось, и он сменил тактику.

Сонет 118

Здесь мы видим подтверждение линии сонета 117.

И только зная эту линию, возможно понять намёки сонета 118.

Отдельно, сам по себе, сонет 118 представляется то ли философским, то ли медицинским, а если и любовным, то сильно надуманным или даже чудаковатым.

Зачем, например, «добро» любви «лечить» «злым обманом» – Which, rank of goodness, would by ill be cured? Кто и когда так делал?

Сонет 118. Оригинальный текст

Like as to make our appetites more keen
With eager compounds we our palate urge,
As to prevent our maladies unseen
We sicken to shun sickness when we purge:
Even so, being full of your ne'er-cloying sweetness,
To bitter sauces did I frame my feeding,
And, sick of welfare, found a kind of meetness
To be diseased ere that there was true needing.
Thus policy in love, t'anticipate
The ills that were not, grew to faults assured,
And brought to medicine a healthful state
Which, rank of goodness, would by ill be cured.
But thence I learn, and find the lesson true,
Drugs poison him that so fell sick of you.

В медицине того времени, действительно, существовал такой способ «специальной» предварительной болезни, чтобы потом настоящую болезнь перенести легче.

Но в любви такое «предварительное» поведение никогда не было общепринятым. Поэтому сонет оставляет впечатление недосказанности: сделан намёк на некие конкретные обстоятельства из истории взаимоотношений с адресатом, но эти обстоятельства никак не объяснены, ведь нелепость ситуации очевидна.

Мы видим несколько «непонятных» образов. Что за «горький соус», «яд», «слабость», «болезнь»? Уж не о борьбе ли с «французской болезнью» тут речь?

Эти вопросы вполне допустимы без сонета 117. Но зная его, всё становится ясным.

Поэт продолжает покаяние в душевной измене другу. Все образы есть характеристики этой измены. И опять это представлено как благо для дружбы, как «верный урок» поэта.

Сонет 119

«Медицинские» намёки предыдущего сонета 118 продолжают, но теперь на фоне отсутствия обращения к адресату.

И опять невозможно ни понять эти намёки, ни определить адресата отдельно по тексту сонета 119.

И опять в этом нас выручает знание предыстории взаимоотношений с другом и сонетов 117 и 118. Назвав в замке сонета 118 свою душевную неверность другу «ядом» и высказав мысль о невозможности помочь этим «ядом» в дружбе, поэт начинает сонет 119 с обыгрывания этой же мысли другими поэтическими сравнениями.

Но теперь поэт указывает на наступление обстоятельства потери: «всё ж потерял, что, думал, покорил – Still losing when I saw myself to win», которое случилось в результате его неразумного поведения: «в смятенье той горячки без ума – In the distraction of this madding fever».

Но поэт пытается убедить не друга, а себя самого, что в этом нет ничего неисправимого. Подтверждением служит замок сонета 119, где сказано о «возвращении к истоку». Значит речь была, действительно, не о болезни, а о размолвке.

Всем этим подтверждается тот же условный адресат – «поэт», а персонаж, о котором идёт речь, вероятно, – друг.

Сонет 119. Оригинальный текст

What potions have I drank of Siren tears,
Distilled from limbecks foul as hell within,
Applying fears to hopes, and hopes to fears,
Still losing when I saw myself to win!
What wretched errors hath my heart committed,
Whilst it hath thought itself so blessed never!
How have mine eyes out of their spheres been fitted
In the distraction of this madding fever!
O benefit of ill! now I find true
That better is by evil still made better,
And ruined love when it is built anew
Grows fairer than at first, more strong, far greater.
So I return rebuked to my content,
And gain by ill thrice more than I have spent.

И также видно, что примирения, пока, не произошло несмотря на то, что поэт продолжал покаяние, а, наоборот, поэт говорит о «разрушенной» любви.

Напоминаю, что ракурс анализа на адресность предполагает трактовку намёков только в плане последовательности и правдивости Шекспира, т.е. выделения в этих намёках только указаний на адресатов, но не предполагает полного объяснения значения этих намёков для сюжета. Описания последовательности обстоятельств должны быть только непротиворечивы предыдущим описаниям, чтобы дать основания для отнесения их к одному адресату. Значения

этих же намёков для сюжета, т.е. сам сюжет, будут даны в анализе на соответствие фактам.

Поэтому, то, что можно видеть из текста сонета 119 в плане его адресности, не полностью отражает его место и значение в сюжете сонетов, также, как трактовки намёков других сонетов.

Но как только мы дойдём до сопоставления с фактами биографий, те же самые намёки Шекспира обретут удивительную стройность в своём полном объяснении.

Сонет 120

«Медицинские налёки» кончились.

Но понятнее не стало. Перед нами новый набор налёков на прежние известные нам обстоятельства. И без знания этих обстоятельств, объяснить налёки только по тексту сонета 120 невозможно.

В первом же катрене выясняется, что адресат когда-то совершил «давний грех», который сейчас поможет поэту, которого «согнёт его в дугу» от своей вины. О чём это? О чём угодно, если не знать предыстории. Но мы то её знаем.

Под «давним грехом» поэт понимает аналогичный своему грех адресата, т.е. его измену.

Размолвки по причине измены были с другом и отражены в сонетах 40—42, когда друг соблазнил возлюбленную поэта, и в сонетах 76—88, когда друг предпочёл чужие стихи.

Вряд ли теперь друг сам начал писать стихи, а поэт над ними посмеялся.

Поэтому остаётся только один аналогичный грех поэта — теперь, вероятно, поэт соблазнил возлюбленную друга?

Сонет 120. Оригинальный текст

That you were once unkind befriends me now,
And for that sorrow which I then did feel
Needs must I under my transgression bow,
Unless my nerves were brass or hammered steel.

For if you were by my unkindness shaken
As I by yours, y'have passed a hell of time,
And I, a tyrant, have no leisure taken
To weigh how once I suffered in your crime.
O that our night of woe might have rememb'ed
My deepest sense, how hard true sorrow hits,
And soon to you, as you to me then, tend'red
The humble salve, which wounded bosoms fits!
But that your trespass now becomes a fee;
Mine ransoms yours, and yours must ransom me.

Но сейчас мы можем только констатировать факт того, что теперь друг высказал прямую претензию поэту в, аналогичном своему, поступке, чего он ранее не делал, ограничиваясь общими обвинениями поэта в измене.

Но интересна реакция поэта на эту прямую претензию. Пока обвинения были не конкретными, поэт каялся в «содеянном» (сонеты 117—119). Но теперь переживания друга по поводу поступка поэта представлены как плата друга за его измену поэту, равная тому «выкупу», что раньше заплатил поэт своими переживаниями за «грех» друга — But that your trespass now becomes a fee; Mine ransoms yours, and yours must ransom me.

Как видим, сюжет делает поворот — поэт перестал каяться в своих грехах. Ему теперь лишь больно смотреть, как переживает друг — «нервы не кремь и не металл».

Но причиной переживаний друга он называет теперь

не только себя и свои измены, а, и самого друга, и его измены. Поэт, фактически, обвиняет друга и оправдывает себя, т.е. не принимает претензию друга, не отрицая при этом своего поступка.

Важно также отметить, что нет никаких сомнений (это прямо указано в сонете) в том, что события взаимной измены разнесены во времени. Сначала друг когда-то давно (в пределах времени знакомства), а теперь поэт совершили одинаковые поступки. Почему это важно, станет понятно при анализе на соответствие с фактами биографий, а пока нужно это просто запомнить.

Также очевидно, что самого примирения пока не произошло, т.е. фаза конфликтного настроения продолжается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.